

Морена Морана

м е ж д у н а м и ,

ВЕДЬМАМИ

Морена Морана
Между нами, ведьмами

«Автор»

2023

Морана М.

Между нами, ведьмами / М. Морана — «Автор», 2023

Что, если твоя соседка по купе – ведьма? А если все четыре попутчицы оказываются ведьмами, и у каждой – своя история, которой хочется поделиться под стук колес? Соперницы, выясняющие отношения на встрече выпускников, зловещий обряд, связывающий с мертвой подругой, сделки с нечистой силой, любовные привороты и месть... Поймут только свои. Может, вы тоже из них?

© Морана М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Встреча выпускников	8
Из-под земли достанешь	19
Дерево ведьмы	24
Рыжая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Морена Морана Между нами, ведьмами

Пролог

Я с восхищением смотрела на безупречно стройные ноги, покрытые ровным бронзовым загаром. Хозяйка этих ног, красивая брюнетка в белых шортах с большим чемоданом в руке, радостно меня поприветствовала.

– Добрый день! Меня Марина зовут, а вас?

– Очень приятно. Я Алена. Располагайтесь.

Марина забросила свой чемодан на верхнюю полку, предварительно достав бутылку минеральной воды. Я обратила внимание на то, как легко она управилась. Никаких нелепых прыжков и натужного сопения. Чемодан будто бы сам запрыгнул туда, куда нужно, элегантно проплыв по воздуху. Мысленно я позавидовала ее силе и грации, а в особенности – стройному загорелому телу.

– Я на диете, приходится старательно поддерживать питьевой режим, – как бы извиняясь, пояснила она, заметив мой взгляд. – В моем возрасте красота уже требует жертв.

– Тогда понятно, а то я уж было подумала, что вы ведьма, – пошутила я, незаметно прикрыв простыней пакет с орешками, которые я жевала между делом, от скуки. Глядя на Марину, мне тоже захотелось сесть на диету, а потом удивлять окружающих идеальной фигурой. – Я до Лапшово еду, а вы?

Мы обе смотрели в окно в торжественном ожидании того момента, когда поезд тронется с места. Там, на платформе, толпился народ, сновали туда-сюда деловитые продавцы всякой снеди, жадно вдыхали дым курильщики, плакали закипающие от жары дети, обтирали пот с лица их усталые мамочки. Женщина в ярко-красном платье одной рукой крепко держала малыша, другой зажала испуганного кокер-спаниеля, при этом на запястье у нее болтался пакет с продуктами. Внезапно ручки пакета лопнули, и нехитрая закуска полетела на землю. Бедная мамочка! Я на автопилоте бросилась ей помогать. Ну как – помогать... Мысленно собрала батон, консервы, колбасу, яблоки обратно в пакет, аккуратно завязав ручки и спаяв их попрочнее. Буквально секунда – и пакет снова висел на ее запястье, она даже заметить ничего толком не успела. Собака гавкнула, наверное, от удивления.

Тут только я заметила, как внимательно Марина смотрит на меня. Во взгляде ее читалось удивление, перемешанное с уважением. Мне даже показалось, будто она понимает, что именно произошло. Впрочем, эти размышления были прерваны появлением новой попутчицы. В проходе возникла улыбчивая рыжая дама лет сорока, в майке с совами. У нее была великолепная грудь, и совы выглядели так, словно у них запущенный флюс.

– Я до Лапшово, девочки! Кажется, поедем вдвоем? – осторожно предположила она. – Кстати, я Таня.

– Хорошо бы вдвоем, не хотелось бы, чтобы к нам подселили какого-нибудь озорного гуляку с бутылкой горячительного. В прошлый раз мне пришлось добираться домой под песню «Ой мороз, мороз»... – улыбнулась Марина.

– А где розетка? А то телефон разряжается как назло.

– Под столом! – ответила я. – Только она не работает почему-то. Сама вот сижу, экономлю батарею.

Внезапно в розетке что-то зашипело. Мы испугались и хотели позвать проводника, но Таня замотала головой, мол, все в порядке, нырнула под стол и поставила телефон на зарядку. Он завибрировал, подтвердив таким образом, что заряжается.

– Получилось! – воскликнула Таня.

Мы с Маринкой переглянулись. Повисла неловкая пауза.

– Свои, что ли? – осторожно спросила Маринка.

Таня рассмеялась. Поезд тронулся.

– Отставить панику. Все свои. Кому и зачем еще может понадобиться ехать в Лапшово?

– Я думаю, за это надо выпить! – объявила обрадованная Маринка.

Дверь в купе захлопнулась. Откуда-то сверху, видимо, из Маринкиного чемодана, выпорхнула бутылка вина, три пластиковых стаканчика и штопор и аккуратно приземлились на столик.

– Живем, девочки! А то все диета, диета!

Я мысленно перебросила на стол пакет с орешками.

Штопор аккуратно вошел в пробку и начал поворачиваться. Бутылка словно под взглядом невидимого дирижера наполнила стаканы, приземлившись прямо нам в руки.

– Ну, за знакомство! – сказала Таня, поднимая свой стакан. – Приятно ехать в хорошей компании. Ничего, если я переоденусь?

Мы не возражали. Танин бюстгальтер вылетел из-под футболки и аккуратно лег в сеточку над верхней полкой.

– Интересно получилось! – задумчиво проговорила Марина. – Ну что, давайте знакомиться поближе? Дорога длинная, ее надо чем-то занять. Как вы, собственно, стали ведьмами, в каком возрасте вы впервые почувствовали силу? Давайте делиться опытом!

Сразу после этих слов мы услышали странный звук. Как будто кто-то с силой ударил снизу по полке, на которой сидела Таня. Взвизгнув, женщина вскочила, не дожидаясь следующего удара. Полка приподнялась и застыла в таком положении. Из открывшегося отсека на стол выпрыгнула большая черная кошка. Мы переглянулись. Животное с наглым видом сидело на столе, изучая нас огромными желтыми глазами.

– Ну, здравствуйте! – удивленно пробормотала Маринка.

В этот момент кошка начала меняться. Лапы ее быстро удлинлись, шерсть исчезла, и она превратилась в красивую пожилую женщину в длинном холщовом платье.

Мы мгновенно вскочили со своих мест и встали по струнке.

– Баба Валя... – пролепетала Таня. – Сама баба Валя!

– Давайте без этих церемоний! – устало ответила незнакомка. – Я такая же ведьма, как и вы. Ну что, нальете или я так и буду ждать?

Бутылка, подрагивая, поднялась со стола и заплясала в воздухе.

Встреча выпускников

Я с удовлетворением смотрела в зеркало. За последние месяцы я сильно похудела и теперь заслуженно любовалась тонкой талией и постройневшими бедрами. Длинные черные волосы разметались по плечам, а в глазах плясали озорные черти. Я была хороша, что для своих тридцати шести лет, что вообще. И от осознания этого было так радостно на душе.

Я примерила стринги с бабочкой. Они идеально подчеркивали плоский живот, которого я добилась с таким трудом. Но главное – в них я чувствовала потрясающую уверенность в себе.

Женщины знают, как много иногда значит правильное белье. Открыв шкаф, я начала примерять платья. Может быть, надеть вот это, красное? Красный цвет сразу привлекает внимание и дразнит мужчин. Или же выбрать элегантное черное, чтобы казаться еще изящнее? Нет, все не то...

Вдруг мой взгляд упал на короткое платье «в гусиную лапку». Идеальный наряд для встречи выпускников, учитывая, что рисунок ткани в точности повторял рисунок школьной формы. В детстве эта «гусиная лапка», отличительный знак учениц нашей гимназии, была для меня самым ненавистным узором. Помню, что мы с одноклассницами даже устроили сожжение формы, отметив таким образом последний звонок. Развели костер в лесу, бросили в него юбки и жилетки и хохотали, как ведьмы, глядя, как они горят. Но потом ненависть к форме исчезла. Все плохое, что было связано со школьными годами, забылось. А сейчас я понимала, в таком наряде, очень подходящем для этого вечера, я буду чудо как хороша.

Бюстгальтер я, конечно, решила не надевать. Этот простой фокус всегда магически действовал на мужчин. Я нанесла несколько капель легких цитрусовых духов на запястья и предстала, как мои школьные подруги, наверняка подурневшие с возрастом, лопаются от зависти. Они-то не сидели несколько месяцев на строгой диете и не пахали, как проклятые, в спортзале.

* * *

Мы договорились встретиться у школы, еще раз посмотреть на здание, вдохнуть особый воздух альма-матер и пойти в кафе напротив. После замужества я переехала, однако школа все равно находилась относительно недалеко – примерно в получасе ходьбы от дома. Погода стояла отменная, и я решила пройти пешком, чтобы лишний раз сжечь ненавистные калории. С детства я была склонна к полноте, и каждый сброшенный килограмм давался мне с большим трудом.

Самый короткий путь лежал через частный сектор и кладбище. Обычно я старалась не ходить там, особенно ночью. Боялась не столько мертвых, сколько живых. Обитатели старых деревянных домов и держатели огородов, изрядно подвыпившие, в этой темноте могли быть опаснее любых зомби. Но сейчас ярко светило солнце, а вокруг сновали туда-сюда многочисленные прохожие. Так что бояться мне было нечего.

Наслаждаясь лучами солнца, я поднималась по асфальтированной дорожке, с одной стороны которой располагались частные владения: огороженные частоколом дворы с разросшимися там огромными подсолнухами и топинамбуром. На деревянных кольях висели какие-то тряпки, кастрюли, исподнее. А на одном из резных крылечек, выходящих на улицу, сидела большая черная собака. Определить ее породу я затруднялась, собака одновременно напоминала ротвейлера и овчарку. И сейчас она смотрела прямо на меня, издавая неодобрительное рычание. На собаке, естественно, не было никакого ошейника.

На всякий случай я перешла на другую сторону улицы и пошла вдоль забора, огораживающего кладбище. Тут несознательные граждане сваливали пустые бутылки, обертки от шоколадок и прочий хлам. Похоже, гнева мертвых никто не боялся, а я – тем более. Неодобрительно косившаяся на меня собака была куда страшнее.

Моему взору открылось множество памятников. Одни – огромные, помпезные, выше человеческого роста. Как правило, такие любят дарить своим «коллегам» криминальные авторитеты всех мастей. В девяностых их полегло немало, и многих похоронили здесь, в историческом центре города. Они горделиво возвышались над обычными надгробиями, скупно украшенными дешевыми пластмассовыми цветами. А вокруг некоторых могилок, напротив, росли живые цветы. Было видно, что родственники регулярно приходят навестить покойника.

На одном надгробии я задержала взгляд дольше, чем на других, и даже зачем-то прочла надпись на табличке. Здесь покоились некие Копываловы, судя по всему, муж и жена. Я

невольно остановилась, рассматривая их фотографию. У женщины был крупный с горбинкой нос, пронзительный взгляд, аккуратная прическа из седых волос, похожая на пчелиный улей. Мужчина был худым, светловолосым и ничем не выдающимся гражданином. Примечательно было только одно – то, как он смотрел на свою жену. С обожанием и любовью, которые чувствовались при взгляде на фотографию, несмотря на то, что запечатленные на ней люди давно мертвы. Вокруг их могилы не было никакого пластикового мусора – там росли нежные желтые цветы с черной окантовкой по краю лепестка. Я задумалась, что никогда не видела таких красивых цветов.

Эти неспешно текущие мысли мгновенно прервались, когда я увидела, что с фотографией происходит что-то не то. Женщина на ней, Копывалова А. Г., почившая, как сообщала надпись, в 1987 году, как будто изменила положение. Раньше она была запечатлена четко в профиль и влюбленно смотрела на мужа. А сейчас казалось, что она немного повернулась в мою сторону.

На всякий случай я потрогала голову – погода сегодня солнечная, может быть, мне напекло затылок, закрыла и снова открыла глаза. Однако сомнений не было – лицо на фотографии двигалось. И смотрело прямо на меня.

Я застыла на месте от неожиданности, не в силах сдвинуться с места. В это время чернобелый рот покойницы зашевелился. Сначала из него донеслось невнятное шипение, в котором я едва-едва разобрала некоторые слова.

– Скоро. К нам. Переедешь. Сначала. Кошкин. Потом. Ты.

Произнеся это, женщина снова повернулась в сторону мужа.

Отойдя, наконец, от шока, я побежала вдоль забора, что было сил, пока, наконец, не миновала кладбище. Что это было такое вообще? Переутомление? Нервный срыв? Галлюцинация? Видение? Нет, только не сегодня. Сегодня слишком важный день. Даже если мне нужно к психиатру, я подумаю об этом завтра. А сегодня меня ждет кое-что очень волнующее.

* * *

Ладно, кажется, пришло время признаться честно. Я сбросила килограммов двадцать лишнего веса, привела себя в идеальную форму и отчаянно крутилась перед зеркалом не просто так. Среди приглашенных на двадцатилетие выпуска был один человек, которого мне особенно хотелось увидеть. Моя первая и незабываемая любовь – Паша Светов.

Пашу перевели в нашу школу в восьмом классе. Его папа был выдающимся инженером, а мама – амбициозной домохозяйкой, которая твердо знала, что и она, и ее сын достойны самого лучшего. Тогда Паша был маленького роста, не слишком крепок и неизменно проигрывал в мальчишеских школьных драках. Зато хорошо учился и у него были огромные глаза с пушистыми густыми ресницами, из-за которых его частенько принимали за девочку. Ни у кого я больше не видела таких потрясающих ресниц, ни до, ни после. А перед девятым классом он резко вытянулся за одно лето, и из милого мальчика вдруг превратился в привлекательного юношу. Я тогда очень удивилась этой перемене и мгновенно отдала Паше свое сердце.

Это удивительно, но я до сих пор наизусть помню множество фактов, связанных с Пашей. Например, намертво врезался в память его старый номер телефона. Некоторые могли бы объяснить это тем, что раньше у всех были только стационарные телефоны, и людям приходилось сотни раз набирать пальцами один и тот же номер, а не просто тыкать на кнопку. Но как объяснить то, что я помнила день его рождения? Имена и отчества всех его родственников? Его любимый цвет, любимую группу и даже то, за что его выгнали с урока истории. Все это отложилось в моей памяти, несмотря на то, что я не разговаривала с ним уже около двадцати лет (Светов уехал учиться в столицу и не общался с оставшимися в провинции неудачниками). Но даже когда Паша был рядом, он был слишком увлечен учебой, чтобы обращать внимание на

какую-то девчонку, к тому же не самую красивую. А я никогда не была красавицей от природы. Впрочем, мне всегда нравилась фраза: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Знаете, чего я только не делала, чтобы покорить его сердце. Однажды в каком-то взрослом журнале я прочла, что юноши без ума от женщин с тонкой талией. Тогда я взяла старые колготки и туго перебинтовала ими то место, где, по моим расчетам, должна была находиться осиная талия, а после отправилась в школу. Пока я шла, дышать еще получалось, хотя и с трудом. Но стоило мне сесть за парту, как я поняла, какую совершила ошибку. В таком положении я не могла ни выдохнуть, ни вдохнуть. Мне не хватало воздуха, перед глазами потемнело. Мне стало дурно, несколько секунд отделяли меня от обморока. Я подняла руку и отпросилась в туалет. Но вот беда, именно в это время концы колготок вылезли из-под блузки, и волочились за мной, как хвост. Ребята смеялись, и я поняла, что фокус с обольщением не удался. А Паша так и остался недостижимой высотой.

Впрочем, я с детства не привыкла сдаваться. Я Маринка Черных или кто? В другой раз тот же модный журнал сообщил мне о том, что мужчин привлекает дерзкий макияж в оранжевых тонах. Конечно же, я тут же извлекла из копилки деньги, сэкономленные на школьных пирожках, и приобрела палетку ярко-оранжевых теней. На следующий день я пришла в школу в полном боевом раскрасе. Вид у меня был весьма странный, и кончилось дело тем, что классная руководительница попросила меня пользоваться более естественной косметикой (хорошо, хоть не умыли насильно). А мальчик моей мечты был холоден, как лед, и только прыскал в ладошку, глядя на меня. Короче говоря, после нескольких неудачных попыток я поняла, что единственное, что я могу сделать в такой ситуации, это попробовать посоревноваться с Пашей в учебе. Не хочешь обращать на меня внимание как на девушку? Обратишь, как на соперницу, когда эта девочка с оранжевыми тенями уделает тебя по всем предметам. Мама говорит тебе, что ты лучший? Это мы еще посмотрим!

* * *

О боже, что за запах! Задумавшись, я не заметила ручей, бравший свое начало, видимо, в мутных водах городской канализации. Брызги вонючей жидкости попали мне на ноги, и я долго оттирала их ладонью. Но самое неприятное заключалось в том, что на этот запах слетелся целый рой мерзких зеленых мух. Они почему-то мгновенно облепили меня, сев на руки, ноги, волосы. Меня чуть не стошнило, когда я почувствовала, что маленькие волосатые лапки забегали по коже. А одна самая наглая муха даже залетела мне в рот, и я случайно проглотила ее. Неприятно, но что поделаешь?

Мой путь по-прежнему пролегал мимо одноэтажных частных домиков, непривычных взгляду городского жителя. Их владельцы, будто желая поставить невидимый барьер между личным пространством и улицей, имели обыкновение высаживать на подоконник кукол, мягкие игрушки и цветы в горшочках. Этот трюк отвлекал внимание любопытных прохожих от того, что происходило внутри, за тонкой паутинкой тюля. Вдруг мне показалось, что в одном из окон занавеска слегка шевелится, словно в ней запуталась огромная зеленая муха, и что эта муха бьется в стекло, пытаясь выбраться. Но стоило мне присмотреться к ней, как я увидела, что за причудливым узором ниток скрывается вовсе не насекомое, а та самая старуха с надгробия.

В этот момент я, наверное, должна была окончательно испугаться, но меня отвлек шум справа. Это два милиционера тащили под руки плюгавенького матерящегося мужичка в растянутой полосатой футболке. На звуки ругани выскочил народ, тут же образовалась толпа, которая двигалась, жужжала и роилась, словно это тоже были не люди, а мухи. В гуле голосов я отчетливо услышала слова: «Убили слесаря Кошкина». Выходит, то, что было со мной, это не

галлюцинация, а предчувствие? Впрочем, какая разница. Сегодня я «шальная императрица», и никто меня не остановит. Я прибавила шаг.

* * *

Старинное здание нашей гимназии, с толстенными стенами, полукруглыми окнами-бойницами и замысловатой лепниной утопало в пышной густоте зелени. В нос ударил нестерпимо-сладкий аромат цветов. В воздухе носились бабочки, в цветочных бутонах жужжали упорные пчелы. Сегодняшние школьники разъехались на каникулы, оставив двор в полном распоряжении школьников бывших, то есть нас. Я даже порадовалась, что встречу, которая должна была произойти зимой, перенесли на лето – так приятно было гулять среди этого цветущего великолепия, вспоминая детство. Да и девушки в легких платьях выглядят гораздо соблазнительнее, чем в толстых ватных штанах, пуховиках и панталонах с начесом. Я свернула на аллею, где раньше было место сбора нашего класса в любой непонятной ситуации. И поняла, что пришла я далеко не первая.

– О! Да это же Маринка! Какая красавица! Не то, что в школе... – окликнул меня кто-то.

Это была Нюша Крюкова. Худая насмешливая блондинка с четким каре. Одна из самых ненавистных моих соперниц и в учебе, и в битве за Пашино сердце.

Я уже говорила о том, что после нескольких неудачных попыток привлечь внимание Паши (по-детски наивных и очень смешных), я решила переключиться на учебу. И как ни странно, это сработало. Паше *пришлось* обратить на меня внимание. Правда, делал он это только тогда, когда мне удавалось уделить его в математике, написать лучшее сочинение в классе или выиграть городскую олимпиаду. И в его взгляде не было любви, а только раздражение или ярость. Но ярость – это лучше, чем ничего. Больше всего на свете я боялась его безразличия.

Мои внезапные успехи в учебе радовали и учителей, и родителей. Не радовали они только одного человека (кроме Паши, конечно). Это была Нюша. Она давно заработала себе репутацию отличницы, и появление новой звезды класса вызывало у нее плохо скрываемую досаду.

В школе я всегда была полновата, и Нюша не раз подшучивала над этим, улыбаясь своей гаденькой вежливой улыбочкой. Например, однажды, когда на физкультуре нужно было отжаться сто раз, Нюшка сказала, что это лучше всего получится у меня, ведь у меня самые мощные руки. «И ноги тоже», – едко добавила она. К сожалению, это было правдой – коротенькие конечности. Это та особенность, из-за которой я всегда комплексовала. К слову, сама Нюша от природы отличалась изящным телосложением, и меня особенно обижало то, что стройность досталась ей без особого труда, просто так.

Кстати, когда мы оканчивали школу, и директор вручал заслуженные золотые медали, на сцене мы стояли втроем: я, Паша и Нюша. Тогда мне казалось, что она прожжет во мне дырку своим ненавидящим взглядом. Впрочем, в какой-то мере мы были товарками по несчастью. С Пашей у меня все равно ничего не вышло.

Да, я смогла обратить на себя внимание любимого мальчика, отобрав у него самое ценное – статус звезды номер один. Но дальше этого дело не двигалось. Лишь однажды Паша так разозлился, что кинул в меня мокрой тряпкой, которой стирали с доски. А потом в гневе повалил меня на ближайшую парту. Я хотела сопротивляться, но мое тело охватила какая-то сладкая истома, которой раньше я никогда не чувствовала. Да и он держал меня за запястья явно дольше, чем требовала ситуация. Но это был практически единственный момент нашей подростковой близости.

Только в старших классах наши отношения стали теплее. Детское соперничество ушло, уступив место дружбе. Мы уже не дрались тряпками, а подолгу болтали вечерами по телефону. Я стала все чаще бывать у него дома под предлогом взять какой-нибудь учебник или помочь

ему с сочинением. И каждый раз с тайной надеждой брила даже пальцы на ногах... Но между нами не было ничего, даже поцелуя. Все-таки правду говорят, что мальчики созревают позже. А жаль.

Ведь позже, в одиннадцатом классе, у него появилась какая-то толстая, прыщавая девица, что, впрочем, не мешало ей чувствовать себя королевой. Она первая пригласила его на танец на школьной дискотеке. А потом просто взяла и увела с собой, и для этого ей не понадобилось быть ни самой умной, ни самой красивой, ни самой стройной. В тот вечер я до хрипоты рыдала в школьном туалете, проклиная судьбу.

* * *

– Как ты? Как успехи, как жизнь? – ядовитым тоном, сопровождаемым гнусной улыбочкой, вырвала меня из потока воспоминаний Ньюша.

Я была хороша, но и она была хороша. Соперница надела голубые джинсы с заниженной талией, и короткий топ, оголяющий идеальный тренированный живот, большую редкость для женщин нашего возраста. Нет, ну неужели за эти годы нельзя было хотя бы растолстеть, а?

– У меня все хорошо, я в свободном полете! – улыбнулась я. И только хотела рассказать о своих успехах, как услышала ехидный вопрос.

– Что ты сказала? Я просто не расслышала. В полном полете? – невинно хлопала глазками Ньюша.

Я чуть не подавилась от возмущения. Хотела было что-то возразить, но к горлу подступала тошнота, а желудок словно выворачивался наизнанку. Мне на секунду показалось, что это проглоченная муха перебирает там маленькими волосатыми лапками. Я посмотрела себе под ноги. Я стояла в зловонной луже канализационных вод.

– Мариночка, ты что-то побледнела! – сказал Толик Сорвачев, полноватый блондин, который очень комплексовал в детстве из-за своего веса.

Ничем особенным он не отличался, талантов ни к чему не имел, учился так себе. Мне говорили, что я ему очень нравлюсь, но никаких реальных проявлений неземной любви я не видела. Толик не становился на одно колено, не дарил розы и не звал в кино, зато норовил ударить стулом по спине или ткнуть ручкой в грудь. Он обзывался, хамил и не давал мне жизни. Да и сейчас еще зачем-то приперся и лезет под руку. Эх, Толик, Толик...

– Ничего страшного! – отмахнулась я.

И вдруг заметила вдали знакомый силуэт... Да это же Паша! Дурнота сразу прошла, и я с криком: «Светов, ты ли это?!» – побежала бывшему однокласснику навстречу. Он привычным движением, словно и не было этих двадцати лет, распахнул руки, а я с радостным визгом бросилась ему на шею.

Это было прекрасно! Я, такая стройная и красивая, с длинными волосами, которые мне наконец-то удалось отрастить после неудачной стрижки. Он, красивый, взрослый, мускулистый. Вкусно пахнущий, добившийся успеха... Паша приехал в наш город по делам и ненадолго. И как же хорошо, что он нашел время для этой встречи, для общения и приятных воспоминаний.

– Ребята, хватит дурака валять! – раздраженно буркнула подбежавшая к нам Ньюша. Ее худенькое личико исказила неприятная гримаса.

– Вот именно, нас уже ждут в кафе! Вроде все пришли! – вторил ей Толик.

Толпа загудела, и, весело смеясь, переместилась в уютную кафешку, находящуюся через дорогу от школы. Кафешка называлась «Кокошник», наверное, потому, что на входе гостей встречало необычное резное крыльцо, а территорию летней веранды украшала деревянная скульптура танцующей парочки. Оформление внутри тоже было сделано в псевдорусском,

лубочном стиле: повсюду стояли самовары, висели расписанные под гжель тарелки и вязанки баранок.

Усевшись, я попросила меню, чтобы выбрать себе что-то некалорийное. Открыла его и непроизвольно вскрикнула от ужаса. Вместо списка блюд русской кухни из меню на меня смотрела фотография старухи с надгробия. Под ней кто-то заботливо подписал ручкой: «Сегодня ты отправишься в ад!» Я закрыла меню и открыла его снова. Старухи больше не было. Обычное меню: какие-то салаты из креветок, мидии, запеченные с сыром, десерты, вино (русская кухня, ага-ага). Подумав, я заказала себе шампанское (как всегда, брют) и большую тарелку салата с **пророщенными** зернами пшеницы, в котором много зелени и мало калорий. Ньюша покосилась на меня и заказала фруктовую тарелку. Вот же противная баба!

* * *

Мы выпили за встречу, смущенно застучали вилками. Разговор не клеился, каждая фраза звучала неловко. Но постепенно наша компания начала пьянеть, и разговоры становились все более задушевными. Ньюша заметно окосела, она вспоминала забавные истории из нашей школьной юности. Толик принес с собой блокнот и угрожал нам викториной с вопросами об истории гимназии.

– Дорогие друзья! – важно вещал он, стуча вилкой по рюмке с коньяком. – Попрошу вас ответить на такой вопрос. С какого года ведет свою историю наша гимназия?

– 1786-го года! – отчеканила Ньюша.

Надо же, помнит, зараза.

– Правильно! За это надо выпить! – икнул в ответ Толик.

Через некоторое время, после того как мы по третьему кругу обсудили, сколько у кого детей и кто где работает, Толик снова начал ворочать заплетающимся языком:

– Чей приказ послужил основанием для открытия гимназии?

– Екатерина Вторая! – рапортовала я.

Не то, чтобы я увлекалась историей нашей гимназии, но «шальная императрица» так запомнилась мне своими похождениями, что ассоциация возникла сама собой. Теперь уже настала очередь Ньюши неприязненно смотреть на меня.

– Поаплодируем Мариночке! Мариночка, встань, пожалуйста, мы на тебя полюбуемся! – громогласно пробасил Толик.

Я встала, оправила платье, заодно продемонстрировав тонкую талию. Не скрылись от меня восхищенные взгляды мужчин и завистливые – дам. А еще я с удовлетворением отметила, что Паша Светов с нескрываемым интересом изучает мои изгибы. Если бы вы знали, сколько времени я ждала именно этого взгляда.

– За наших школьных красавиц! – поднял бокал Паша.

И его взгляд, задержавшийся где-то в районе моей груди, был очень красноречив. Я подмигнула ему в ответ.

Когда я, слегка пошатываясь, отправилась в туалет, Паша вышел за мной.

* * *

В темном коридоре его руки потянулись к моей талии. Это прикосновение жаром разлилось по телу.

– Ты такая хорошенькая, Маринка! Совсем не изменилась! – шептал Паша, и в глазах его читалось возбуждение. Он наклонился ко мне, зажав в руках мои запястья. – Ну же, поцелуй меня!

Наши губы соприкоснулись, и мы слились в страстном поцелуе. Об этом настоящем взрослом поцелуе с Пашей я мечтала, кажется, всю жизнь.

– Подожди меня здесь! – шепнула я Паше, стараясь как можно нежнее касаться губами его уха, и осторожно провела пальцами по его груди. Все-таки мне все еще хотелось в туалет.

Я закрыла дверь на замок и тут обратила внимание, что крышка унитаза была опущена. В принципе, в этом факте не было ничего особенного. Но я всей душой почувствовала смутное беспокойство. И это было неспроста. В вентиляционную решетку внезапно влетела жирная зеленая муха. Я еще раз посмотрела на крышку унитаза. И в этот момент крышка медленно приподнялась...

Сначала из унитаза повалила земля. Не вода, не темная жижа, как это бывает при неисправной канализации, а именно жирная черная земля... Она мгновенно заполнила собой низ туалетной кабинки, и я увязала в ней, как в болоте. Я попыталась открыть дверь, но поскользнулась и упала. Пока я пыталась встать, земля все прибывала, залезая в мой нос, в уши, в рот. На какой-то момент мне стало трудно дышать... Я могла издавать лишь сдавленное мычание. Я уже подумала, что останусь в кабинке навсегда, как вдруг увидела дернувшуюся ручку замка. Кто-то отчаянно тряс ее, пытаясь открыть дверь снаружи.

– М-м-м! Помогите! – сумела прохрипеть я, давясь землей.

– Там человеку плохо! Я сейчас сбегаю за администратором! – доносился до меня голос Нюши.

* * *

Дальнейшие события я помнила смутно. Помнила, как Нюша умывала меня, спрашивая, что со мной случилось. Как потащила меня на воздух и посадила на лавочку рядом с деревянной скульптурой танцующей парочки. Сказала, что я сильно перебрала и у меня, похоже, были галлюцинации. Я с ней впервые согласилась, галлюцинации были, вот только от чего? Да еще в тот самый день, когда я должна была стать звездой, что за проклятье?!

В этот момент я перевела взгляд на деревянную парочку. Головы фигурок с треском повернулись ко мне и начали повторять на разные лады: проклятие, проклятие, прокля-я-тие! На этот раз я даже не испугалась. Если я решила провести вечер хорошо, его ничто мне не испортит, слово золотой медалистки...

Не испортит... Хм, порча! Как же я раньше не догадалась! То, что со мной происходит, это совершенно точно порча, проклятие, магическое воздействие, хотя я в это никогда и не верила! Это бы все объяснило. Все эти видения, черную рыхлую землю, мух. Надо мной потрудились какая-то ведьма, и какая именно – сомнений быть не могло. Сегодня я могла перейти дорогу только одному человеку, и это была Нюша. Тогда, в школе, я отняла у нее статус единственной золотой медалистки. А сегодня – роль первой красавицы вечера и главную награду – Пашу.

Я встала, взяла Нюшу за волосы и подняла ее лицо к себе, внимательно глядя ей в глаза.

– Я все знаю, Нюша, это ты прокляла меня! – заплетающимся языком сообщила я однокласснице.

Нюша мягко отстранила мою руку.

– Маринка, ты совсем рехнулась? – улыбалась она, слегка покачиваясь на ногах. – Неужели ты не помнишь, что мы с тобой всегда соперничали честно? И мы обе становились лучше от этого. В глубине души я всегда уважала тебя и завидовала тебе. Да, были моменты, когда меня буквально передергивало от того, что ты рядом. Но, чтобы порчу насылать... Да и не ведьма я вовсе. Как мне помочь тебе? Может быть, скорую вызвать? Ты, главное, не буйнь. Еще не хватало, чтобы вечер закончился потасовкой.

– Не надо скорую... – пробормотала я.

Мы посидели еще немного, спели зачем-то вместе песню про ямщика, замерзавшего в степи, и вернулись обратно в зал, где шумели и веселились наши изрядно нажравшиеся одноклассники. Паша и Толик наперебой подливали в мой бокал шампанское, вино и даже коньяк. Я еще больше опьянела, и постепенно пугающая действительность превратилась для меня в дружелюбную и прекрасную.

От музыкантов кто-то на повышенных тонах требовал кадрили. В детстве мы ставили под эту музыку несколько школьных номеров, поэтому, услышав первые ноты, я выскочила на танцпол показать мастер-класс. Все зааплодировали, а Паша присоединился к танцу. Кажется, вечер все-таки удался, несмотря на неожиданно настигшее меня колдовство.

Если честно, в моей жизни никогда не было такой потрясающе веселой гулянки. Думаю, все эти диеты, тренажерный зал и бассейн – все это было не зря. Сегодня я была не только умной, но и красивой. Одно плохо – скоро пора домой...

– Тебя проводить? – спросил меня Паша, шаря рукой по моей талии.

Я кивнула. Мы взялись за руки и пошли по улицам теплого благоухающего летнего города. Инстинкт самосохранения должен был напомнить мне, что замужним дамам не стоит ходить по людным улицам с кавалерами, но мне было все равно. Так мы прошли пару кварталов.

– Смотри, твой дом! – улыбался хмельной Паша, пытаясь нащупать мою грудь. А у меня в голове вдруг мелькнула шальная мысль.

– Хочешь, я кое-что тебе покажу? Жди меня здесь, я мигом!

Быстрее пули я залетела в подъезд, где жила когда-то с мамой. Поднялась на этаж, открыла дверь своим ключом и вошла внутрь. К счастью, мамы не было дома, должно быть, она вышла на прогулку. Ну и хорошо, не будет лишних нотаций. Я быстро ошупала глазами буфет и извлекла оттуда большую голубую кружку. Ее много лет назад Паша подарил мне на восьмое марта. Тогда, в детстве, я берегла ее как зеницу ока. И мама берегла, видимо, чувствуя, как важна для меня эта безделица. Почему-то мне хотелось, чтобы Паша об этом знал. Это ведь не про посуду, это про любовь. Про мою первую любовь, с которой ничто никогда не сравнится.

Я взяла подарок, закрыла дверь и быстро сбежала вниз по лестнице. Паша нетерпеливо ждал меня на улице, развалившись на лавочке у подъезда. Я еще раз отметила, что он чертовски хорош. Все одноклассники, кроме него, выглядели растолстевшими, скучными и облезлыми. А он... ну настоящий полковник. Кстати, в каком он звании, надо спросить...

– Ты помнишь ее? Твой подарок! – улыбнулась я, показывая ему кружку.

– Ого, ты ее хранишь? – удивился он.

Я поставила кружку на лавочку и села к нему на коленки, словно мы подростки. Мы целовались, как сумасшедшие. В теплом летнем воздухе разливался аромат цветов и мое безграничное счастье.

– К тебе, я так понимаю, нельзя? – возбужденно спросил Паша, остатками мозга понимая, что я замужем.

Я кивнула. Вдруг что-то небольшое приземлилось прямо рядом с нами. Это... картошка?

Да, это на самом деле была картошка. Видимо, кто-то из моих бывших соседей решил таким образом прогнать обнаглевшую парочку с общественной скамейки. Я подняла голову вверх, чтобы понять, откуда именно производится бомбардировка картофелем, и, к своему ужасу, увидела в окне ту самую женщину с надгробия. Мне стало дурно.

– Что с тобой? – с тревогой спросил мой кавалер и тоже посмотрел вверх.

– Ты видишь женщину в окне? – с тревогой спросила я.

– Боже, да она черно-белая! – обалдел Паша.

Действительно, женщина была такой бледной, словно это и не женщина вовсе, а черно-белая фотография...

Тем временем в окне вдруг распахнулись створки, а пугающая женщина залезла на подоконник и встала в проеме окна во весь рост. Самое странное заключалось в том, что и пространство за ней тоже становилось черно-белым.

Пока мы смотрели на нее, вцепившись друг в друга, женщина вдруг шагнула из окна. Через мгновение мы услышали глухой удар о землю и увидели распластавшееся тело. Не успели мы схватиться за телефон и вызвать скорую, как незнакомка встала, и мы ясно увидели, что шея у нее повернута на сто восемьдесят градусов, а одна из рук сломана. Ужасная фигура направлялась к нам, и все вокруг нее постепенно становилось черно-белым.

– Ну что, пора платить по счетам?! – подмигнула мне женщина. – Добро пожаловать в ад!

Ужас, который должен был парализовать меня, вдруг произвел противоположный эффект. Я в мгновение ока протрезвела. Мысли стали крутиться в голове с бешеной скоростью, и за доли секунды я сумела мысленно оценить происходящее, его причины и последствия.

В моем мозгу внезапно сложилась чудовищная головоломка. Ньюша была права, она не проклинала меня. Я сама, сама себя прокляла. Если в нашем классе и была ведьма, то это я, я сама, девочка, не привыкшая уступать.

Я вдруг ясно вспомнила, как рыдала тогда в туалете, пока Паша танцевал с новой подружкой. Как меня нашли одноклассницы, и как я, стыдясь своего унижения, скрылась от их расспросов в подвале. В принципе, в любом здании есть подвал. Но стопятидесятилетние здания, а именно такой была наша гимназия, оборудованы целыми катакомбами. Обычно нас просили не носиться по подвалу без надобности. Подземный этаж был отведен под мастерские, куда дети ходили лишь в сопровождении учителя. Но в тот день мне было не до запретов.

Я сидела на холодном полу, размазывая по лицу тушь для ресниц, и хотела только одного – умереть. Я была сломлена и даже раздавлена. Я проиграла, и ничто на свете не могло изменить этого печального факта. Я снова зашла в рыданиях. Ну почему, почему, почему! Если бы можно было отдать все, что угодно, даже душу, за любовь с Пашей, то я бы отдала, отдала, только бы взяли, только бы пригодилось! Тогда меня вдруг осенила мысль: все сбудется, он достанется мне, но слишком поздно или слишком дорогой ценой. Выходит, я сама призвала себе на голову тьму?

Ведьма я или нет, мне было неизвестно. Но если ведьма, то договориться со сверхъестественным могла только я. Ценой отмены заключенной когда-то сделки.

Тем временем черно-белая подошла к нам совсем близко, протягивая сломанную руку с грязными от застрявшей земли под ногтями. Я в последний раз впилась губами в Пашины губы и тихо сказала: «Прощай, мне пора домой!».

Черно-белая удивленно остановилась, а Паша, казалось, перестал ее видеть.

– Стой, куда же ты? – попытался удержать меня он.

– Паш, ну я замужем, это все было ошибкой. У меня семья.

Паша сделал обиженное лицо, но догонять не стал. Скрывшись за поворотом, я немного перевела дух, купила бутылку минералки и зашагала домой. Быстро стемнело.

И снова я шла мимо маленьких домиков, утопающих в сладком запахе цветов. Мимо канализационного ручья, над которым больше не кружили зеленые мухи. И даже мимо надгробия мадам Копываловой, которая спокойно смотрела на любимого мужа в свете фонарей. Все они больше не волновали меня. Не было у них надо мной власти. На небе сияла огромная красноватая полная луна. Издалека я увидела свой дом, серую кирпичную девятиэтажку, светящуюся огоньками окон.

– Я сегодня уезжаю! – пришло сообщение от Паши. – Понимаю, у нас теперь разные жизни. Но все равно, я рад был тебя повидать. И вряд ли забуду тебя когда-нибудь, ты случаем не ведьма?

В ответ я скинула ему одну мелодию, почему-то засевшую в голове.

– Плим-плим-плим-плим, но, если можешь, звони! Плим-плим-плим-плим, по-о-огово-
рим!

Из-под земли достанешь

Не могу сказать, что мое детство было благополучным, родители часто кричали на меня и даже применяли физические наказания, но в те времена это не было редкостью. Тогда к воспитанию детей относились иначе, меньше переживали и рефлексировали. Папа пил, дрался, уходил из дома с любовницами. Мама постоянно его прощала, а потом лечила венерические болезни. Обычная история, даже вспоминать не хочется. Но было в моем детстве и светлое пятно – дружба с Катей. Ее перевели к нам в пятом классе, и мы сразу сблизились: стали

вместе ходить из школы, заполнять друг другу разрисованные фломастерами альбомы, которые называли «анкетами», а в летние каникулы все дни проводили вместе.

Обычно с утра пораньше, когда мои и Катины родители уходили на работу, я выбегала из дома, прикупив в ларьке бутылку лимонада или упаковку чипсов. Катя уже ждала меня с нетерпением, высматривая с балкона, иду ли я. Вместе мы смотрели телевизор, хрустели чипсами, пускали мыльные пузыри, рассматривали проходящих мимо дома парней или считали, хватит ли наших скудных накоплений на то, чтобы сходить в зоопарк. А если на улице шел дождь, просто вынимали из тумбочки старые журналы, газеты и прочую макулатуру и читали друг другу вслух.

В этой стопке особое место занимали женские журналы и журналы о здоровье. Иногда в них попадались статьи о сексе, и мы с любопытством впитывали запретную информацию. Хорошо заходили и маленькие книжицы с анекдотами, можно было от души посмеяться. А как-то раз мы наткнулись на листы бумаги, написанные от руки. Аккуратным почерком кто-то вывел заголовок: «Заговоры». Катя сказала, что листы остались от ее покойной бабушки – тот, вроде бы увлекался магией, хотя особых успехов в этом не достиг, а только снискал славу семейного чудака и местного сумасшедшего. Однако записи его почему-то не выбрасывали: то ли берегли как память, то ли собрались отправить все это богатство на растопку (у родителей Кати была дача за городом, а точнее небольшой деревянный домик с настоящей печью). Так или иначе, эти листы оказались в нашем распоряжении.

Среди них были заговоры на любовь, на полноту соперницы, на полное уничтожение врага и другие (очевидно, бабушка у Кати был затейник). В том числе там имелся и заговор «На вечную женскую дружбу». Мы долго разрывались между желанием приворожить кого-нибудь из одноклассников или отомстить учителю по математике, но в итоге поняли, что нам слишком сложно будет найти нужные ингредиенты. Поэтому из интереса решили сделать заговор «На вечную женскую дружбу» – для него были нужны только свечи, немного красного перца и еще один экстравагантный ингредиент, который есть практически в любой квартире.

И вот однажды, когда погода была особенно ужасной, и нам совершенно нечего было делать, мы с Катей зажгли свечи, приготовили порошок и начали повторять написанные на листочке слова:

Навсегда нам вместе быть...
Пусть невидимая нить...
На земле и под землей...
Обозначит нас семьей...

Знаю, ты меня услышишь...
Даже если ты не дышишь...
Цепи крепки, не разбить...
Навсегда нам вместе быть...

Следуя указаниям на листочке, мы соединили две горящие свечи и обильно посыпали их перцем и порошком. А потом, когда воск смешался, задули их и крепко обнялись, чувствуя, что поучаствовали в чем-то взрослом, опасном и таинственном. Мы ожидали каких-то спец-эффектов. Например, что всю комнату заполнит сизый дым, который превратится в джинна и выполнит наши желания, или чего-то подобного. Но ничего не случилось, кроме того, что от перца мы начали чихать. Потом мы пару недель с тревогой ждали, что в наших жизнях что-то изменится. Однако ничего не произошло, и постепенно этот случай стал забываться.

Мы по-прежнему продолжали дружить, жизнь шла своим чередом. Потом пришла пора готовиться к выпускным экзаменам, мы поступили в университет (правда, не на один факуль-

тет, хоть на это нам мозгов хватило). Когда мне исполнилось двадцать, к несчастью (или к счастью, учитывая мою семейную ситуацию), умерла моя бабушка. Хоть мы с ней почти не общались в детстве, но она оставила мне квартиру, и я с радостью съехала от мамы с папой и стала жить одна (к этому времени я уже подрабатывала). Квартира находилась в другом районе, и мы с Катей стали общаться меньше. Между нами стало постепенно нарастать отчуждение. И после окончания университета расстались мы уже легко, почти не вспоминая друг о друге.

Иногда мы встречались в магазине или в парке, когда я заезжала к родителям. Тогда я по привычке заходила в гости, мы болтали, пили чай, рассматривали журналы, которые неизменно покупала Катина мама. Но когда подруга вышла замуж, и это общение прервалось. У нее появились семейные заботы, у меня – новые друзья, любимый человек. Началась совсем другая жизнь. Мы не ссорились, просто отдалились друг от друга. Как будто мы обе друг из друга выросли. Однажды я поняла, что у меня даже нет ее телефонного номера.

Правда, как-то раз я сама решила найти подругу в соцсетях. Это произошло три года назад, когда я переживала любовную трагедию. Я какое-то время не решалась ей написать – ведь мы давно не общались. Но потом все же напечатала заветное «привет».

В тот момент меня бросил молодой человек. Это вообще отдельная история, как я умудрилась вляпаться в эти отношения, думаю, мои проблемы с родителями тому виной. Скажу только, что он контролировал каждый мой шаг, следил за тем, как я вешаю кружки на кухне (на моей же кухне) и как раскладываю резинки для волос в ванной (в моей же ванной). Он критиковал мое тело, лицо, брови и ногти, волосы на ногах (он называл их отвратительными пеньками) и цвет зубной эмали (под конец отношений он называл меня исключительно «желтозубой»). К концу отношений на моем теле, наверное, не было ни одного места, которое он еще не критиковал, но рассказать об этом мне было особо некому – всех друзей он каким-то образом разогнал, и я осталась совсем одна. При этом всем он был почему-то уверен, что я никуда не уйду. Наверное, думал, что мышеловка уже захлопнулась. Но я нашла в себе силы указать ему на дверь.

Мне это далось непросто, я долго не могла прийти в себя. С мамой и отцом у меня, в принципе, никогда не было доверительных отношений. Я плакала по ночам, я считала себя страшной, растоптанной, уродливой. Я все отдала бы за одно доброе слово. За появление в моей жизни человека, который выслушает. За чью-то искреннюю улыбку. Я поставила лайки всем, кому могла в тот вечер. И добавила Катю.

Катя была онлайн. Она сразу подтвердила мою заявку в друзья и искренне мне обрадовалась.

– Ален, ну ты даешь, мы так давно не виделись, но ты из-под земли достанешь! – написала она, щедро снабжая сообщения смайликами. – Ну, что у тебя стряслось? Впрочем, в любом случае я тебе рада. На любовном фронте что-то не так?

Я тоже радовалась. Мы вспоминали одноклассников, я поделилась последними сплетнями. А потом как на духу выложила все, что было на душе после расставания с бойфрендом. Предложила встретиться.

– Не могу. Вот вообще никак, сейчас я не в том состоянии... – печально и неопределенно ответила Катя и вышла из сети.

В этот момент я заметила, что какой-то симпатичный парнишка ставит лайки под моими фотографиями. Выглядел он отлично – спортивный, подтянутый, модный. Особенно мне понравился его стальной пресс. Я не могу сказать, что мой бывший был толстым, но и спортивной фигурой он не отличался. А этот красавчик как будто сошел с обложки журнала. Я посмотрела, чем он занимается – так и знала, спортсмен. Я еще раз полюбовалась его великолепным прессом и сильными плечами и тоже поставила лайк.

– Познакомимся? – написал парень. После слов бывшего, что я никому кроме него не буду нужна, мне особенно польстило его внимание.

Наша переписка постепенно переросла в обмен фотографиями интимного свойства. Мой новый знакомый, его звали Кирилл, отлично выглядел не только на «одетых» фотографиях, но и на «раздетых». Мы много фантазировали о том, как встретимся – он вот-вот должен был приехать в наш город. Я даже сбросила несколько его фотографий Катюхе, поскольку мне очень хотелось с кем-то поделиться своей радостью. Я не знаю, как объяснить этот порыв, но так бывает, когда людям было комфортно вместе. Судьба может разбросать их по разным районам и даже городам, но самого короткого разговора будет достаточно для того, чтобы понять – вы снова близки, как когда-то.

«Он очень красивый, но, честно говоря, мне он категорически не нравится, – написала Катя. – У меня сейчас очень хорошая интуиция развилась... по некоторым причинам, и я понимаю, что он не для тебя. Хотя бы потому, что ты только вылезла из одних плохих отношений и уже сразу лезешь в другие, а это такое дело, где клин клином не вышибают. Я бы очень не советовала тебе встречаться с ним в реальности».

Впрочем, интуиция интуицией, а таких роскошных мускулов я могла никогда в жизни больше и не увидеть. Поэтому, когда Кирилл, наконец, приехал к родителям, я тут же намекнула, что вечером совершенно свободна, наплевав на все предупреждения Кати.

Мы договорились встретиться в уютной маленькой кофейне, где варили самый вкусный в городе кофе. Кирилл настаивал на том, что в кафе платит он и только он. Хороший признак, подумала я, поскольку в наше время можно нарваться на кого угодно. Начиная от «пополамщика», который будет делить каждую копейку, и заканчивая любителем прогуляться в парке в мороз. Мой бывший, к слову, всегда вычитал с меня деньги, даже за минеральную воду. Но Кирилл был не из таких. Он вкусно пах, хорошо говорил и выглядел в жизни даже лучше, чем на снимках. К тому же он пришел с цветами.

Уже через десять минут мы страстно целовались, а такое происходит со мной не часто. Мы пили вино, болтали, он рассказывал анекдоты и делал комплименты. Я гладила его ладонь, любуясь грубыми мозолями от штанги. Мне нравилось в нем буквально все: рост, вес, густая щетина на лице, модный хвостик на затылке и татуировки на предплечьях. Мне нравилось, как его руки исследуют мои колени, нравился и его естественный запах, и его парфюм. Когда мы решили выйти прогуляться, мне казалось, что я влюблена в него по уши.

Держась за руки, мы бродили по улочкам, вышли на набережную и долго смотрели на беспокойную поверхность воды. Потом прошли на мост и оказались на другой стороне реки, где уже не было благоустроенной набережной, зато были тенистые деревья, обещающие полное уединение нетерпеливой любовной парочке. Кирилл становился все настойчивее, исследуя то, что находится у меня под одеждой. Мои щеки пылали, а по телу разливалась приятная истома, но я не хотела торопить события и предложила еще прогуляться.

Однако мой кавалер не остановился. Вместо этого он так больно стиснул мое бедро, что я даже вскрикнула.

– Не надо так, мне не нравится! – пыталась я возражать.

Но Кирилл уже закрыл мне рот своей мощной лапицей. Я билась в его руках, как воробушек в лапах кошки, но сделать ничего не могла – физически он был гораздо сильнее меня.

– Думала продинамить? Нет уж, отработывай угощение! – со злостью шипел он.

Я не сразу поняла, что именно происходит, потому что еще минуту назад Кирилл был весьма галантным кавалером. Но сейчас он буквально озверел, и я оказалась абсолютно беззащитной перед ним. Между тем парень не собирался останавливаться. Послышался треск рвущейся материи – это трещало мое платье. Казалось, спасти меня могло только чудо. И вдруг...

Несмотря на весь ужас происходящего, боковым зрением я отметила странную картину. Из воды вдруг приподнялась водоросль или что-то подобное. Длинное зеленое щупальце, толщиной с веревку для сушки белья. Потом высунулось еще одно щупальце. Потом еще и еще. Эти зеленые нити-щупальца, которых становилось все больше и больше, тянулись

к нам. Они замерли на секунду, словно размышляя, а затем одно из них медленно оплело запястье Кирилла. Парень от удивления ослабил на мгновение хватку, мне хватило этого, чтобы вырваться. Но нити не собирались останавливаться. Они опутывали моего обидчика. Обвивались вокруг его рук и ног, оплетали лицо и грудь. Залезали в рот, в нос, в глаза... с них стекала зеленая слизь. Теперь уже Кирилл трепетал, словно воробушек в лапах кошки. Это ему, а не мне теперь надо было мечтать о чуде. В конце концов Кирилл превратился в огромный мычащий кокон.

Я буквально с места не могла сдвинуться от неожиданности, и вдруг услышала голоса.
– Беги! – шептали мне нити-водоросли.

Со всех ног, не оборачиваясь, я бросилась прочь, побежала к мосту, к людям. До сих пор не знаю, что произошло с Кириллом. Я долго бежала, не останавливаясь. Буквально за двадцать минут я добралась до дома и рухнула на кровать. Тут я почувствовала, что ужасно замерзла. Ни одно одеяло не могло меня согреть. Видимо, нервное потрясение было очень сильным.

В полицию я не пошла – во-первых, далеко не всегда они относятся к жертвам с сочувствием. А я – весьма сомнительная жертва, сама согласилась на свидание, сама пошла в уединенное место... Во-вторых, мы успели выпить вина, а вы сами знаете, как у нас относятся к выпившим жертвам. В-третьих, и это главное, меня очень смущала история про нити-водоросли. Кто его знает, что Кирилл мог подбросить в мой бокал, и какие это могло вызвать галлюцинации. Вот расскажешь про нити нашим правоохранителям и объясняй им потом, что ты не верблюд. В лучшем случае вызовут скорую. Так что я приняла решение отсидеться дома.

Историю эту я постаралась как можно скорее забыть, ограничившись посттравматическим синдромом и двумя месяцами посещения кабинета психотерапевта. На всякий случай я удалила анкету из соцсетей и сменила номер телефона, а адреса моего Кирилл не знал. Какое-то время я входила в подъезд и садилась в лифт, плотно сжав в кулаке ключи. Но постепенно все это затянулось бурой тиной, и жизнь пошла своим чередом. Я не знаю, что случилось с Кириллом потом, сумел он освободиться от нитей или так и остался лежать недвижимым коконом у реки, но мне он больше ни разу не позвонил, и слава небесам.

Единственный случай, когда эта история всплыла в моей памяти, произошел прошлым летом. Я встретила нашу с Катей общую знакомую и рассказала ей о том, что у Катюхи отличная интуиция. Но знакомая лишь с осуждением посмотрела на меня.

– Слушай, ты что-то путаешь. Катя семь лет как мертва, странно, что тебе никто ничего не сказал. Мы с ребятами как раз собирались помянуть.

– Да ты шутишь! – воскликнула я. – Я тебе сейчас ее найду.

Я быстро нашла страничку подруги в сети – она ее опять восстановила. Но к моему ужасу, на странице Кати были только старые фотографии и комментарии вроде «Любим, помним, скорбим».

– А что с ней случилось? – пытаюсь прийти в себя от шока, поинтересовалась я.

– Авария... – пожала плечами одноклассница. – Жалко, совсем молодая девчонка была.

Я больше не никому не рассказывала об этом, старалась даже не думать. Несколько дней после этого, правда, я боялась уснуть и сумела это сделать только с таблетками. Я опасалась, что во сне увижу те ужасные зеленые нити, но ничего подобного не случилось. Мне снилось жаркое лето, наш двор, деревья под окном и стопка журналов со статьями «про это». Мне снились переливающиеся мыльные пузыри, которые мы пускали с балкона. Мне снилась Катя, красивая, взрослая, с бледным лицом и с легкой улыбкой на губах. Мы пили лимонад и громко хрустели чипсами...

Дерево ведьмы

Аномалия

– Я в твоём возрасте уже три года как замужем была, между прочим! – сказала мама.

Противно засвистел чайник. Лариса протянула руку и повернула выключатель.

– Ну и к чему это привело?

На кухне повисла неловкая тишина. Мама сосредоточенно насыпала в чашку растворимый кофе из банки. На столе, на выдавшей виды клеенке, лежал нарезной батон, сливочное масло и вареная колбаса.

За окном стояла густая туманная дымка. Голая черная ветка дерева почти касалась оконного стекла. Сквозь сизую пелену виднелся их пустой старый двор с черными фонарями, мокрыми лавочками и прелыми листьями.

– Ну, у меня, по крайней мере, есть ты... Что это там в окне?

Лариса прижалась лбом к стеклу, отодвинув занавеску. Там, в глубине двора, на качелях сидела обнаженная женщина с длинными волосами и тихонько раскачивалась, словно маленькая девочка. Холодный, дождливый и грязный ноябрь явно не располагал к такому виду досуга.

– Крыша поехала, наверное! Я сбегаю за ней, замерзнет ведь человек!

– Постой! – крикнула мама. Но Лара набросила пальто, взяла в спальне плед и бросилась вниз по лестнице.

Женщина по-прежнему раскачивалась на качелях, что-то напевая себе под нос. Лариса осторожно подошла к ней, и, не встретив сопротивления, накинула одеяло на холодные плечи. На улице отвратительно пахло гнилыми листьями.

– Кто вы, как вас зовут?! Как вы здесь оказались?

Незнакомка повернула к ней свое бледное лицо. Тут только Лариса смогла рассмотреть ее лучше. Это была совсем молодая женщина с длинными рыжеватыми волосами. Ее ноги были покрыты грязью, к волосам прилипли прелые листья.

– Ветла проснулась! – тихо сказала женщина и улыбнулась.

– Алло! Тут женщине плохо, сидит раздетая посреди двора. Нет, не пьяная...

– Проснулась и зовет! – девушка блаженно улыбалась, продолжая раскачиваться.

Лариса тяжело вздохнула. Во двор въехала карета скорой помощи. Высокий, полный санитар и изящная докторша без труда увели незнакомку. Она шла за ними, ступая босыми ногами, словно послушная кукла. Девушка уже влезла в машину, но вдруг высунулась, нашла глазами Лару и вдруг закричала ей.

– Про ветлу не забудь! Я тебе не просто так говорю! Храни тебя господь!

В этот момент санитар мощной лапищей задвинул голову девушки обратно в машину и влез следом, закрыв за собой дверь. Скорая тронулась с места и скрылась за поворотом.

Старуха

Лариса стряхнула с ботинка прилипший лист и пошла к подъезду. Туман сгустился еще больше: в нескольких метрах от себя ничего не разобрать, только черные скрюченные силуэты деревьев иногда проступали из-за плотной завесы. Казалось, что в этом тумане таится что-то зловещее, ядовитое, что-то, что свело с ума незнакомку. Лариса отогнала от себя эту мысль.

Вдруг у подъезда она увидела странную фигуру, напоминавшую зловещую старуху в длинном черном балахоне. Лариса сделала шаг вперед и узнала в фигуре соседку – бабу Тамару.

Древняя старушка в потертой черной шубе и сером шерстяном платке, из-под которого выбивалась длинная седая прядь, стояла под козырьком подъезда, опираясь на костыль.

– Здравствуйте, Тамара Валентиновна! – громко прокричала Лариса на всякий случай, хоть и не ждала ответа.

Казалось, что соседка находится как бы между двумя мирами: этим – бранным, и другим – лучшим, куда вот-вот намеревалась отправиться. Поэтому на земные раздражители она реагировала редко и с опозданием. А часто просто молчала, уставившись в одну точку. Но сегодня старуха кивнула трясущейся седой головой в знак приветствия и даже оживилась.

– Лариса, к нам во двор скорая приезжала? Что случилось? – зашевелила соседка бледными пергаментными губами.

– Да, девушке плохо стало. Думаю, тронулась рассудком. Бормотала про какую-то ветлу, – сообщила Лариса.

Внезапно лицо старухи изменилось. Она широко раскрыла глаза и посмотрела на Лару.

– Все-таки проснулась ветла. Не к добру.

Тамара Валентиновна, больше не обращая внимания на Ларису, двинулась прямо в туман, постукивая костылем.

Девушка сначала замерла от изумления, а потом бросилась вслед за старушкой.

– Постойте! А что за ветла такая? Отчего она проснулась?

– Дерево такое. Ветла. Крови хочет, видать, вот и проснулась.

Ларисе стало не по себе. Она справедливо решила, что хватит с нее на сегодня сумасшедших. И стараясь поскорее забыть обо всем произошедшем, торопливо вошла в подъезд. Больше всего ей хотелось лечь в теплую ванну и ни о чем не думать...

Паук

Лариса с наслаждением легла в горячую ванну. По телу блаженством разлилось тепло. Можно было не думать ни о чем и молча созерцать стену, изучая кафельную плитку.

«Кафель у нас, конечно, ужасный, поменять бы», – подумала девушка. Когда-то много лет назад Ларисина мама лично прилаживала плитки к стене, не смущаясь отсутствием опыта. Результат был соответствующим: швы между плитками получились неаккуратными и разной толщины, в некоторых местах поверхность стены была неровной, а в том месте, где должна быть установлена вентиляционная решетка, зияла огромная черная дыра. Раньше Лариса не обращала на эту дыру особого внимания. Ну дыра и дыра, мало ли. Но сейчас она пристально всматривалась в ее бесконечную глубину. Что там вообще находится, в темных глубинах вентиляционной шахты?

Девушка попыталась подумать о чем-то еще, но мысль о дыре не отпускала ее так просто. В бесконечной темноте непременно должен сидеть кто-то живой, осторожный, хитрый. Точно не таракан (тараканы в их доме не появлялись уже лет десять). Но, может быть, паук?

Лариса снова посмотрела в дыру. Ей показалось, что из темноты проступают очертания огромного мохнатого насекомого. А четыре глаза уставились прямо на нее. Из вентиляции запахло прелыми листьями. Впрочем, откуда там листья?

Лариса попыталась переключиться на что-то другое, но мысли то и дело возвращались туда, в темноту, где наверняка жил паук. Гнилостный запах стал сильнее. К тому же внезапно выключился свет, и вся ванная комната превратилась в большую темную дыру. Лариса осторожно на ощупь вылезла из ванны и завернулась в полотенце.

Света в доме не было, да и телефон, как назло, успел разрядиться. Выходной тянулся мучительно медленно, и Лариса от скуки взяла себе газеты из большой стопки, которую мама хранила в коридоре. Девушка уже несколько раз порывалась эту стопку выкинуть. Ну, в самом

деле, зачем в двадцать первом веке бесплатные газеты? Но мама твердила свое, мол, пригодится. И вот, кажется, этот час настал.

Изучать старые газеты оказалось занятием интересным и занимательным, особенно за неимением других. Возможно, мозг Ларисы, просто не привык находиться в информационном вакууме. А может, заметки и правда были составлены талантливо, и мастерство автора превращало вполне банальные провинциальные сюжеты в шедевры. Чего стоила, например, вот эта заметка: «Все стояли и смотрели. Неизвестная женщина спасла ребенка». Лариса обратила на нее внимание, потому что события, описанные в заметке, произошли буквально у них под носом, на соседней улице.

Автомобиль, движущийся на большой скорости, врезался в толпу людей на пешеходном переходе. Несколько человек получили травмы, особенно сильно пострадал семилетний мальчик. Очевидцы были уверены в том, что приехавшая на место скорая констатирует смерть, но вдруг из толпы вышла женщина, которая заявила, что она медик. Женщина начала совершать столь странные действия, что ее поначалу приняли за сумасшедшую. Она водила по телу мальчика руками, бормотала что-то на неизвестном языке. Как ни странно, эти действия увенчались успехом. К удивлению присутствующих, мальчик открыл глаза, а многие из видимых травм исчезли. После этого женщина быстро ушла, не оставив контактных данных.

Далее под заметкой было короткое интервью психиатра о массовых галлюцинациях, а также удивительные случаи, которые происходили в городе в последние годы.

Тайник

– Какие у тебя ручки холодные... Давай я согрею!

Иван взял ладонь Томочки в свои грубые руки и с трепетом поднес к губам. Какая же красивая была у нее ручка... Маленькая, изящная, словно игрушечная.

– Плохо греешь! – с озорством подмигнула ему девица. Легкое платье в черный горошек и правда не слишком согревало, зато подчеркивало осиную талию.

Иван, поняв намек, приложил ладонь Томочки к сердцу.

– Слышишь, как стучит? Это потому, что ты рядом...

– Плохо слышу! Давай вот так!

Девичья ручка проникла под клетчатую рубашку, нежными пальчиками касаясь широкой груди.

Иван весь раскраснелся от такой ласки, он тяжело дышал, и щеки его пылали.

Томочка расстегнула пуговицы и прильнула ухом к обнаженной коже. Ваня чувствовал ее горячее дыхание. Растеклась по телу сладкая истома.

– Иди-ка сюда! – сказал парень и впился в губы девушки. Его рука настойчиво пробиравась в вырез платья.

Тома сначала подалась ему навстречу, но потом осторожно отстранилась.

– Тихо, тихо, тихо... Это все после свадьбы.

– А если я к Маринке пойду? – напирал разгоряченный Иван.

Девушка надула губки и зло прищурилась.

– Да не дуйся ты, я пошутил.

Иван долго не хотел отпускать зазнобу, но потом поднял девушку на руки, чтобы покружить немного над землей. Парень прошел несколько шагов и вдруг рухнул, провалившись одной ногой в какую-то яму. Молодые люди с изумлением обнаружили подгнившие доски, хорошо замаскированные землей.

– Это еще что такое? – спросил Иван. Он пытался заглянуть внутрь норы, но там ничего не было, кроме темноты и могильной сырости. – Жил тут кто-то, что ли, в этой дыре.

– Может, и жил, а может, и умирал, – как-то грустно сказала Томочка. – Пойдем лучше отсюда, а то старые люди всякое рассказывают.

Ведьмина ветла

Сотрудник газеты «Провинциальная новь» Антон Кротов смотрел в окно и мечтал о том, чтобы Паучиха, наконец, дала ему задание, и отправила куда-нибудь подальше, на свежий воздух.

Паучихой он называл начальницу, Екатерину Николаевну. Но не потому, что она была старая и непривлекательная, наоборот. Как женщина тридцатилетняя стройная Паучиха ему даже нравилась. Но ее деловитые указания и командный тон, а также способность решать множество проблем одновременно, будто у нее сто рук, раздражали Антона. Кроме того, поступая в университет, он мечтал о большем. Хотелось настоящей журналистики, крутых расследований, мировой славы. А вместо всего этого он оказался перед выбором: выполнять указания Паучихи, работая в местной газете, которую читало от силы несколько тысяч человек. Или же барахтаться в беспокойном море фриланса, где уже и без него было достаточно акул с опытом.

Антон несколько раз прошелся по кабинету взад-вперед, раскрыл окно и еще раз окинул взглядом город. Перед ним как на ладони стояли маленькие деревянные домики, старые кирпичные здания (наследие прошлых веков), и монастырь, сияющий куполами. А где-то там, дальше, виднелись река и темный силуэт облетевшего леса. В маленькую комнатку ворвались звуки города: шум машин, людской гомон, колокольный звон. Всю эту какофонию вдруг прервал голос начальницы.

– Антон, как насчет того, чтобы метнуться в Скрипкино?

Паучиха стояла в дверях, задумчиво накручивая прядь длинных тонких волос на палец.

– Холодно уже! – недовольно поежился Антон. Но, заметив строгий взгляд начальницы, добавил: – Но надо, так надо!

– Холодно, не холодно, им все равно. Они нас содержат, в конце концов. Недостаточно, говорят, освещаем жизнь районов.

– Было бы, что освещать! – сказал Антон и окинул фигуру начальницы оценивающим мужским взглядом, но тут же спохватился.

– Согласна! – зевнула Паучиха. – Но если повода нет, его ведь можно придумать, правда? Ты слышал когда-нибудь про ведьмину ветлу?

– Метлу? – переспросил Антон.

Паучиха подошла к его столу и эффектно приземлилась на него своей пятой точкой.

– Нет, ветлу. Короче говоря, в селе Скрипкино есть дерево. Местные жители утверждают, что ему триста лет. Не очень понятно, откуда взялась такая точность, учитывая, что у деревьев нет ни документов, ни паспортов. Если честно, я думаю, что ей лет сто, потому что ивы дольше не живут. Но легенда есть легенда, здесь точность не обязательна.

Антон подошел к начальнице и сделал вид, что внимательно слушает.

– Так вот... – продолжила Паучиха, поигрывая тупелькой. – Местные жители обходят эту ветлу десятой дорогой, особенно в ночное время. Говорят, стоны и крики им там мерещатся. А всякий больной на голову люд, увлеченный оккультными ритуалами, туда так и тянет. Приезжают аж из Москвы. Большие деньги жертвуют, между прочим, церковь там отстроили. Говорят, здесь какой-то дьявольский культ был. Чуть ли не с жертвоприношениями. Только я пыталась разузнать что-то на этот счет и ничего зловещего не нашла. Единственный, кто жил в тех местах, это община старообрядцев, человек восемьсот. До двадцатого года имеются письменные свидетельства их там пребывания.

– А потом? – почему-то шепотом спросил Антон, приближаясь губами к уху начальницы.

– А потом, видимо, их нашли и пересажали, а то и вовсе расстреляли, времена-то какие были! – ответила Паучиха, сложив пальцы в подобие пистолета и ткнув ими Антону в грудь. – Впрочем, это нам ни к чему. Твоя задача – собрать доказательства наличия там чего-то мистического. Расспроси местных жителей. Они, может быть, что-то видели, слышали. Звуки какие-нибудь таинственные. Ну, легенды, может быть.

Антон слушал начальницу вполуха, а сам с интересом поглядывал на ее пальцы, в которых она теребила ручку, пухлые губы и роскошные черные волосы.

– А если местные мне ничего не расскажут?

– Ох, ну придумай что-нибудь сам тогда. Мне что, всему тебя учить надо?

Паучиха грациозно потянулась, как бы не замечая, что ее грудь при этом действии подавалась вперед и стала еще более соблазнительной.

– Вы отлично выглядите, Екатерина Николаевна! – ввернул нахальный комплимент Антон.

– Кротов! Бегом! – сердито прикрикнула начальница. И улыбнулась.

Рыжая

Добраться до села было не так просто. Сначала на автобусе до автовокзала, потом на маршрутке, а потом еще пешком. Антон тяжело вздохнул и отправился в путь.

На вокзале он сначала даже растерялся, не понимая, где в этой разношерстной толпе его попутчики. Но постепенно сообразил, стал у всех спрашивать: «Кто-нибудь едет в Скрипкино?» Наконец, какая-то тетка мрачно ответила:

– Ну я еду, а что?

Тетка быстро шагала вперед, и Антон побежал за ней, удивляясь тому, как резво двигалась, качая бедрами, эта крупная с виду женщина с тяжелыми сумками. Больше всего он боялся потерять из виду ее рыжие волосы и серое пальто.

Чуть в стороне от здания вокзала переминались с ноги на ногу несколько молодых людей в черном, а с ними три старухи. Увидев Антона, они неодобрительно прищурились.

– Это с тобой? – обратились они к рыжей. – Что-то лицо знакомое.

– Да нет, это приبلудный. Тоже в Скрипкино едет, вот и привязался.

– Ясно. Журналист, поди. Или из *этих*.

– Да, журналист! Вы ведь журналист?! А, младший лейтенант, мальчик молодой?

При этих словах тетка глупо хихикнула. Ее крупный густо накрашенный красной помадой рот расплылся в улыбке. Антону даже на секунду показалось, что тетка с ним заигрывает, но он тут же отогнал от себя эту мысль.

Старушки вскоре перестали обращать внимание на Антона, чему он был несказанно рад. Молодые люди в черном стояли молча и плевали под ноги семечки. Антон заметил у одного из них на шее цепочку, на которой висел перевернутый крест.

– Видишь этих?! – спросила тетка, явно проследившая направление его взгляда. – Сатанисты. Совсем от них покоя нет. Ладно бы, культурно проводили свои мероприятия. Так нет же, выпивку с собой берут, если не что-то похуже. Бегают по селу, кричат. У одного прошлым летом передоз был, еле откачали. А нам это надо? Вот и не любят их местные, от того такие и неприветливые. Но ты-то, я чувю, хороший человек? – она снова улыбнулась и пихнула Антона локтем, как старого знакомого.

Антон осторожно изучал женщину глазами. Сколько ей лет? Явно старше Паучихи, но младше его мамы. Крупная, но сочная тетка: даже под пальто угадывалась роскошная грудь. Рыжие, почти красные волосы падали ниже плеч, выщипанные в ниточку брови придавали лицу сходство с красавицами прошлых десятилетий. Антон видел такие изображения в интернете... На секунду он даже представил, как женщина расстегивает пальто, а под ним только красное белье. Звук тормозов прервал его фантазию на самом интересном месте.

Старенькая желтая маршрутка, испустив какое-то дребезжание, остановилась рядом. Водитель вышел и по головам пересчитал пассажиров.

– Кто-то лишний из вас. Не возьму. Ты последний пришел! Я тебя тут раньше не видел, – водитель ткнул пальцем в Антона.

В этот момент тетка решительно взяла парня под руку:

– Ладно тебе командовать, уместимся все. Если что, я посижу на коленочках.

– Как вас зовут? – спросил Антон, когда крупный зад незнакомки действительно плюхнулся к нему на колени.

– Танечка! – ответила женщина, наклонившись к его уху, и парень ощутил ее дыхание.

Антон вдруг почувствовал, что хочет, чтобы это прикосновение повторилось, и сам удивился своему странному желанию. Но все-таки он решил воспользоваться ситуацией, чтобы побольше разузнать о таинственном дереве, о котором ему поручили написать: какой-то ветле или как ее там.

- А что там у вас за ветла, расскажешь? – шептал Антон Танечке на ушко.
- Ишь, какой шустрый! Зайдешь в гости – может, и расскажу...

Худощавые подростки на заднем сидении потеснились и освободили место для Танечки. Она с видимым сожалением покинула колени Антона, но руку свою, будто случайно, на несколько минут забыла у него на бедре...

- Так что с ветлой? – снова поинтересовался Антон.
- Танечка припала губами к его уху:
- Ну, слушай...

1955

- Томочка, с днем рождения тебя!
- Оставайся всегда такой же красавицей, подружка дорогая!
- За нашу именинницу!

Компания молодых людей расположилась на поляне рядом с большим зеленым деревом. На широкой скатерти лежали закуски: пирожки, соленые огурчики, банка консервов, отварные яйца и бутерброды с колбасой...

Тома, красивая брюнетка в белом платье в горошек, счастливо улыбалась. На голове у нее красовался венок из полевых цветов. Высокий черноволосый парень слегка обнимал ее за талию.

– Предлагаю выпить за нашу прекрасную страну! За ее обширные поля! – тут рука юноши спустилась ниже талии, на роскошные полные бедра девицы. – За ее природные богатства! – вторая рука скользнула к груди. – И за ее неподнятую целину!

Ребята прыснули со смеху. Тома покраснелась.

– Ваня, руки убрал! – строго сказала она, ударив по мощной мужской лапище своей ладошкой. – Вот поженимся, тады.

– А если не уберу? А, моя звездочка? – напирал Иван.

Спор был прерван дребезжанием старческого голоса.

– Шли бы вы отсюда, молодежь. Тут ведьму убили. С тех пор эта земля навеки проклята, и древо проклято, не приближайтесь лучше к нему, а то и вас несчастье не минует.

– А мы в эти сказки не верим! – приподнялся Иван. – Мы, дедушка, атеисты.

– К сожалению, этой ветле все равно, атеисты вы или нет! – грустно вздохнул дед. – Шли бы вы отсюда, пока она вас не заметила.

– Никуда мы не пойдём! – заявил Иван. – Более того, сейчас я постараюсь развенчать эти бредни. Дерево заколдованное, говорите? Вот, смотрите!

С этими словами парень подскочил к дереву и сломал одну из ветвей.

Тома с друзьями затихли, ожидая чего-то ужасного. Но на поляне ничего не изменилось. Так же зеленела трава. Из нее выглядывали васильки, одуванчики и белоснежные ромашки. Жужжали пчелы, стрекотали кузнечики. По голубому небу плыли легкие белые облачка.

Ваня гордо продемонстрировал ветку старику, компании и особенно Томочке. А потом зачем-то помахал этой веткой в воздухе, обращаясь к невидимому собеседнику:

– Видишь, ничего не произошло!

Ваня внимательно всматривался куда-то вдаль.

– Ничего не произошло, ну посмотри! – кричал он. И вдруг бросился бежать, словно догоняя кого-то.

Ребята посмотрели в ту сторону, куда глядел Ваня. Там никого не было.

– Куда он побежал? Семен, догони его! – испугалась Томочка.

Семен, рослый крупный парень с вихрастой головой, бросился в погоню. Девушки тоже повскакивали со своих мест и побежали вслед за Иваном. Через несколько минут они услышали крики, доносящиеся из оврага.

– Ваня, что ты там делаешь? Зачем ты туда залез?

– Ребят, я не знаю... – беспомощно бормотал Иван. – Я руку поднять не могу... Кажется, сломал. Мне больно очень...

Скрипкино

– Выходим! Выходим! Не засиживаемся!

Антон вышел, быстро вспоминая, как он вообще тут оказался.

– Ну что, выпьешь со мной чайку? – прервал его размышления голос Танечки.

– Да, да, конечно! – чуть не подпрыгнул от радости молодой человек. Мысль о том, что он останется тут один, среди неприветливых жителей, грязи, луж, его не радовала. Так что, он, положившись на судьбу, покорно побрел за своей новой знакомой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.